

□ Великое Герцогство Андо, городок Марселла, Горная часовня □

Рэйн выдернул Кинжал Поглощения Истока из руки Кровавого Ворона.

— А-а-а!

От нестерпимой боли Кровавый Ворон не смог сдержать крика; ощущение было таким, словно из него вырывали жилы. Рэйн поднял кинжал и мельком взглянул на него: лезвие, прежде совершенно черное, теперь отливало темно-красным и больше не дрожало.

Кинжал насытился. Он напоминал дикого зверя, который, плотно пообедав, погрузился в ленивую дремоту, чтобы переварить добычу, и теперь затих.

Рэйн потянулся к голенищу сапога. У него было припасено еще несколько таких кинжалов. На всякий случай стоило бы вытянуть из Кровавого Ворона всю его Источную силу до последней капли. Но, подумав секунду, он отказался от этой мысли.

— На самом деле, мне не нравится использовать это оружие. Оно, как и ты, вызывает у меня тошноту и отвращение. Поэтому надеюсь, что ты не станешь сопротивляться — мне бы не хотелось убивать тебя прямо здесь.

Рэйн повернул голову и произнес это, обращаясь к Кровавому Ворону. Тот сидел на полу, съежившись, словно побитый пес, с совершенно потухшим взглядом. Один такой кинжал почти полностью опустошил его резервы, еще сильнее ослабив его, и теперь у него не было ни сил, ни желания оказывать сопротивление этому охотнику.

— Ты сказал, что я погубил твою мать? — Кровавый Ворон поднял голову, его лицо выражало полное недоумение.

Он вдруг вспомнил, с какой жгучей ненавистью Рэйн говорил о нем ранее.

Рэйн не ответил. Он поднял глаза на барьер над головой. Судя по яркости свечения, до полного рассеивания заклинания оставалось еще немало времени. Конечно, он мог бы разбить его силой, но это вызвало бы лишний шум. Лучше подождать.

Он подобрал среди обломков в часовне огромный камень, приспособил его под стул и, усевшись напротив Кровавого Ворона, начал свой рассказ.

— Мою мать звали Изабель, она была выдающимся Целителем-Пастырем.

На Земле Астролябии тех, кто использует свет для исцеления болезней и ран, называют Целителями-Пастырями.

— В молодости она много странствовала и часто бесплатно лечила людей. Когда ты устроил катастрофу в городке Лейга, это привело к бесчисленным жертвам. Местная лечебница была слишком мала и не обладала нужным уровнем мастерства, поэтому им пришлось просить помощи извне. Моя мать услышала об этом и, взяв меня — тогда я был еще младенцем на руках, — отправилась туда.

Услышав это, Кровавый Ворон внезапно поднял голову, до того опущенную, и начал внимательно разглядывать Рэйна.

— Чтобы исправить последствия твоих злодеяний, мать осталась в Лейге и прожила там до самой смерти. Твое магическое зелье, которое ты заставлял людей принимать... Те, кому не повезло сильнее всех, погибали на месте от разрыва тела. Те, что покрепче, лишались рассудка, впадали в безумие, а затем, растратив все силы, умирали от истощения. Но большинство страдали от легкой формы. Зелье не убивало их сразу, оно обрекало на долгую и мучительную жизнь, которая была хуже смерти.

— В детстве я видел, как у них случались приступы. Они ворочались на кроватях, разрывая простыни в клочья, бились головой о стены, кусали себя. А когда действие зелья заканчивалось, их душили рыдания от нестерпимой боли. Целителям-Пастырям приходилось привязывать их к кроватям, убирать из комнат все твердые предметы и обклеивать стены толстым слоем поролона.

— Эффект твоего зелья навсегда въедается в плоть, проникает до самых костей. Даже переливание крови не могло их спасти. Вся их оставшаяся жизнь проходила в нескончаемой агонии. У приступов не было никакого порядка: могло наступить время ужина, полнолуние или они могли просто съесть помидор. Секунду назад человек спокойно шел по улице, а в следующую — уже катался по земле в муках.

— Со временем чиновники и жители городка отвернулись от них. Люди боялись пострадавших, опасаясь, что те превратятся в бездумных зверей и катастрофа повторится. Под гнетом злых языков и всеобщего негодования моей матери пришлось уйти подальше от города и открыть приют. Позже все отступились: даже Пастыри-Воины, присланные из Храма. В приюте остались только мы с матерью да несколько родственников пострадавших, помогавших по хозяйству. Наверное, все остальные считали, что эти последствия зелья неизлечимы и люди должны просто доживать свой век.

— Наверное, мир жесток. На этой земле каждый день бесчисленное множество людей умирает и рождается. Для кого-то чужие жизни и смерти — лишь безликие цифры, прыгающие на весах. Но моя мать никогда не сдавалась. Она днями и ночами искала способ спасти их, но долгое время безрезультатно. Я часто слышал, как она вздыхала, коря себя. Ведь все они были живыми людьми, у них были семьи, которые их любили и которых любили они. Они хотели жить, и разве не имели они на это права?

— Позже мать совершила безумный поступок. Чтобы лучше понять, как именно зелье воздействует на организм, она выпила одну дозу... В тот день я видел, как она осушила янтарный флакон до дна, просто я тогда был слишком мал и ничего не понимал. Как же я

жалею, что не остановил ее тогда.

Сказав это, Рэйн выхватил метательный нож и взмахнул рукой. Одной лишь чистой физической силой он метнул его в единственную уцелевшую стену часовни.

Грохот! Стена рухнула.

Почувствовав гнев и крупицу горького раскаяния, исходящие от Рэйна, Кровавый Ворон не смел вымолвить ни слова.

— Позже мать действительно нашла неплохой способ нейтрализовать воздействие зелья. Хоть полностью излечить их и не удалось, приступы стали гораздо менее мучительными, достаточно было принять немного обезболивающего. Наконец-то они выбрались из того кошмара и смогли начать жить заново. Но моя мать...

— Целитель не может исцелить самого себя. Она долгие годы страдала от последствий той дозы. Она терпела собственную боль, продолжая пытаться спасти других. Такое изнурение, день за днем, привело к тому, что она слегла сама. В итоге, когда мне было девять лет, она навсегда покинула этот мир.

— Я... — Кровавый Ворон хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Он чувствовал, как от Рэйна исходит волна колоссальной скорби, подобная океанскому шторму, готовая поглотить его, грешника.

— Так я стал сиротой. К счастью, перед смертью мать вверила меня своему другу. Я стал называть его крестным отцом; он вырастил меня и многому научил. А потом, чтобы отомстить за мать, я вступил в Зал Охоты на Демонов и стал охотником. Все эти громкие слова о борьбе со злом, поддержании порядка, о том, что мы — стражи в ночи, — мне нет до них дела.

— Я хотел лишь найти тебя, а затем схватить. Варез Долан! Я лично отправлю тебя на виселицу!

<http://bllate.org/book/21053/2141016>